

От составителя

Странно устроена человеческая память. Проходят столетия, меняются поколения, а мы продолжаем хранить в себе победные клики средневекового воина, горький плач по умершему предку, обычаи и обряды, которые зародились еще в те времена, когда люди только осваивали нашу землю. Продолжаем хранить, зачастую не отдавая себе в этом отчета. Когда-то населила человеческая фантазия просторы планеты богами и героями, демонами и спасителями — сформировалось особое, мифологическое, мышление, кото-

рое незримо проникает и в день сегодняшний. Причем славянская мифология известна нам значительно хуже, чем греческая и римская, хотя она не менее интересна и живет до сих пор — в «медвежьих» уголках земли русской, в быту и традициях многих и многих людей. Она многолика и узнаваема, страшновата и поучительна. Целый пласт народного творчества, мало знакомый специалисту, представлен в жанрах быличек и бывальщин. Эти бытующие сегодня рассказы о встрече человека с нечистой силой и есть отголоски древней как мир мифологии.

Истории о домовых, леших, русалках, водяных и чертях интересны не только тем, что отражают религиозную сторону человеческого сознания, — они рассказывают о быте человека, правилах его поведения, нравственных принципах. Это целый мир, своеобразный и неоднозначный.

Урал и Сибирь стали теми регионами, в которых произошло своеобразное оживление мифологических традиций. Причины этого лежат в истории заселения края русскими, в особенностях природно-климатических условий жизни. Человек как бы заново осваивал настоящий первобытный мир, отвоевывал у природы место обитания: вырубал лес под пашню, обживал тайгу, становился охотником-промысловиком, — и его отношения с окружающей средой вновь приобрели характер первозданности, таинственности. В тайге появился леший, в полях — полудница, в омуте — водяной и русалки. Персонажи языческого пантеона укрепились в сознании, стали воплощением всех опасностей, которые подстерегают человека в незнакомом лесу, на неизведанной речке. Все, чему трудно было дать рациональное объяснение, приобретало фантастический облик.

Фантазия человека противоречива: она то безгранична, то ограничена. Не случайно в облике нечистой силы хорошо читаются знакомые черты. Так, леший является человеку как старик высокого или маленького роста, леша-чиха — «баба, только черная, а в хайле огонь», русалка — девушка с длинными волосами, домовый — старичок или «кошенок», дворовой — ласка или змейка. Нечистая сила могла иметь и смешанный облик (человек с «коневыми» ногами, с рогами и хвостом). Особняком стоит образ огненного змея, являвшегося в виде огненного шара. Ученые считают, что именно он — самый древний, связан с представлениями о боге-Солнце или боге-Громоуике.

Каждый из демонологических персонажей, как правило, принадлежит какому-либо месту, является его духом. Леший — дух леса, домовый — дома, водяной — реки или пруда, русалка — воды или

дерева, полудница — ржаного поля или полдня в жаркий день, банник, овинник — бани и овина.

По одной из христианских народных легенд вся нечистая сила — это ангелы, низринутые богом на землю за провинность. В этом сюжете отразилось отношение человека к нечисти; в нем же проявилась еще одна особенность демонологических представлений — их связь с христианской религией. Для человека, живущего в мире богов и демонов, святые и черти абсолютно равноправны, они сталкиваются и взаимодействуют друг с другом. Символы христианской веры могут уберечь человека от козней сатанинской силы: крест или молитва позволяют избежать беды при встрече с лешим или русалкой; повернув икону ликом к стене, можно привязать к одному месту колдуна; нательный крест и родительское благословение уберегут ребенка от злых чар.

Изначально былички рассказывались для того, чтобы передать человеку навык поведения при встрече с нечистой силой, поэтому-то, кроме описания ее внешнего вида, они включали в себя обереги, призванные помочь человеку. Казалось бы, с уходом из сознания веры в существование нечистой силы должны уйти из быта и былички. Исследователи еще в середине XIX века предсказывали скорый конец демонологическим рассказам, считая, что гудки паровозов, электричество и другие блага цивилизации вытеснят из тайги лешего, из подпола — домового, из бани — банника. Однако рассказы о нечистой силе живут и поныне, они записываются от людей любого возраста, вне зависимости от уровня образования и профессии. Конечно, есть еще люди, верящие в реальность описываемых событий, но все же чаще о домовых рассказывают только по традиции, а слу-

чай встречи с ними относят ко временам дедов и прадедов. Прошлое зачастую идеализируется, поэтому былички приобретают особенный смысл для человека, в них он сохраняет память о предках, для него быличка — как старинный бабушкин сарафан, ветхий, бесполезный, но дорогой, — «поминка» по человеку.

Ребятишки тоже слушают и рассказывают былички — и не только из любопытства, не только потому, что интересно. Эти рассказы реализуют потребность ребенка испытывать полную гамму человеческих чувств, в том числе и страх. Для чего? Неосознанно маленький человек проходит эмоциональную психологическую закалку. Ведь, не зная страха, трудно его преодолеть. Смелость и мужество — это способность преодолевать страх, поэтому умение бояться — первая ступенька к воспитанию смелого человека.

Есть и другие назначения у

быличек и бывальщин. Как это ни парадоксально, но они выполняют роль воспитательную, причем воспитание осуществляется по основным принципам народной педагогики, когда главным является не морализаторство, а тактичная бережная передача традиций. Если внимательно вчитаться в тексты быличек, можно обнаружить, что направлены они на воспитание, например, неприязни к пьянству: очень часто встречаются сюжеты, в которых демонологические персонажи легко причиняют вред именно пьяным или наказывают род человеческий не войнами, болезнями, а пьянством.

Содержат былички и своеобразную психогигиену. Один из самых популярных сюжетов в Прикамье заключается в том, что к тоскующей по погибшему или пропавшему мужу женщине приходит в его облике леший или сатана, просит скрыть его от людей, никому о нем не рассказывать, а

через какое-то время убивает свою жертву. Этот рассказ — своеобразное предупреждение: нельзя давать волю чувствам, переживания могут поставить человека на грань смерти. Внушаемое с детства предостережение, выраженное не в форме нравоучения, естественно закрепляется в сознании, помогает держать себя в тех рамках, которые диктуются нормами общинной морали.

Если не подходить к быличке с предубеждением, если не воспринимать ее только как отражение религиозного сознания народа, то открыть в ней можно очень многое. Именно многоплановость жанра делает его актуальным и сегодня. Подтверждение тому — наличие пародий, так называемых «антибыличек», в живом бытовании. Это свидетельствует о том, что бытовые представления о демонологических персонажах постепенно разрушаются, значит, быличка меняет свою ориентацию,

многие необъяснимые явления находят свое разумное толкование. Но не только. Пародия призвана вызывать противоположную с оригиналом эмоцию, т. е. смех. Смех, как и страх,— это тоже воспитание чувств.

Как же будут и будут ли в принципе дальше развиваться былички? Окончательно перейдут в сказочный жанр или вообще уйдут из нашего обихода? Думается, ни то и ни другое. Быличка продолжает развиваться, но уже в иной среде. Из крестьянской общины она переходит в узкие группы людей, объединенных общей профессией либо интересом, который может лежать вне профессиональной деятельности. По аналогии с традиционной крестьянской быличкой создаются современные «мифы» туристов о Белом Спелеологе, Черном Альпинисте, Хозяине пещеры, «вагонном», «судовом» и т. п. Мы плохо представляем себе эти рассказы,